

ВЪ ШАТРАХЪ СИМОВЫХЪ.

(Отрывокъ изъ дневника миссіонера въ Китаѣ).

Станція Дань-чжоу по линіи Шанхайгуань-Тяньцзинской желѣзной дороги расположена на берегу рѣки Лань-хэ въ довольно красивой мѣстности. Съ желѣзнодорожнаго моста чрезъ эту рѣку открывается видъ на селеніе, расположенное по обѣимъ сторонамъ линіи ж. д., съ характерными для китайскихъ городковъ башенками и остроконечными кровлями кумиренъ, которыя лѣплятся и по обрывистому берегу рѣки, напоминая собой сказочныя картинки изъ китайской мифологіи. Одна такая кумирня увѣнчивала собой обрывистую скалу, а дальше, на крутомъ холмѣ, обращенномъ къ морю высится башня въ видѣ столба. Могучій размахъ горной рѣки образовалъ по берегамъ ея огромныя площади сыпучаго песку, который теперь, при сѣверномъ вѣтрѣ, поднимался тучами и застилалъ небо. Окрестныя горы казались окутанными туманомъ, который все густѣлъ по мѣрѣ удаленія ихъ. Лѣтомъ, въ періодъ дождей, рѣка наполняется водой и становится судоходной для плоскихъ остроконечныхъ лодокъ, которыя взбираются противъ теченія ея версты на двѣсти. Приятно лѣтомъ, когда берега одѣты зеленью, плыть по мутнымъ водамъ, обрамленнымъ красивыми горами, но теперь, когда ледяныя окраины стремились сковать быстрю струю прозрачно чистыхъ водъ, едва прикрывавшихъ мелкіе камешки, теперь нечего было и думать пускаться вплавъ по такой рѣкѣ. Путь предстоялъ недолгіи всего какихъ-нибудь двадцать верстъ и можно было рискнуть сдѣлать его въ китайской двухколесной крытой телѣжкѣ.

Вещи, которыя намъ пришлось везти,—стекло, сухари, замки, петли для потребностей миссіонерскаго стана, мы уложили на осла, который слѣдовалъ за нами. Дорога сначала шла по краю крутаго обрыва въ ворота—тунель, а потомъ вышла на обширную равнину, кой-гдѣ лишь прорѣзаную узкими каменными кряжами. Дорога была тяжелая, глубокая пыль въ колеяхъ часто смѣнялась сыпучимъ пескомъ, но видъ на окрестность былъ величественный. Вершины горъ самаго разнообразнаго и красиваго рисунка раскинулись шатрами по краямъ долины р. Лань-хэ, ихъ крутые бока причудливыми зигзагами спускались къ пашнямъ. Каждый клочекъ земли въ равнинѣ и по склонамъ былъ тщательно обработанъ. Роши винныхъ ягодъ и орѣховыхъ деревьевъ правильными рядами тянулись по обѣ стороны дороги, невѣдомо кѣмъ и когда насаженные. Сѣроватые отливы тоновъ травы и опадающихъ листьевъ гармонировали съ стальной поверхностью рѣки, отражавшей пасмурное небо. Вѣтра почти не было замѣтно, но онъ дулъ съ силою тамъ,—на склонахъ горъ и по ихъ ущельямъ.

Картина осенней природы располагаетъ къ унынію, къ тоскѣ, но намъ не пришлось поддаться этимъ чувствамъ: мы ѣхали вдвоемъ съ православнымъ китайцемъ Иваномъ Фанъ и вели разговоръ о дѣлахъ стана. Я спрашивалъ его объ учителяхъ, ученикахъ и слушателяхъ, а онъ отвѣчалъ мнѣ не торопясь и, по обыкновенію, растягивая каждое слово. Такъ мы дошли до интереснаго дѣла. Иванъ былъ сирота, отъ отца у него остались деньги и вотъ онъ надумалъ пустить ихъ въ оборотъ. Самъ ли вздумалъ, люди ли посовѣтывали, только просить онъ у меня разрѣшенія взять часть денегъ, рублей полтораста и отдать ихъ одному пожилому человѣку для открытія маленькой сѣбстной лавочки. Что жъ, думаю, дѣло хорошее. Иванъ получаетъ полное содержаніе отъ миссіи, но если приобрететъ лишнюю копейку, тутъ худого ничего нѣтъ. Обдумываемъ, обсуждаемъ съ нимъ со всѣхъ сторонъ торговое дѣло, высчитываемъ вѣроятную прибыль и возможность убытка. Между тѣмъ телѣжка наша, потряхиваясь въ разныя стороны по глубокимъ колеямъ, сдѣлала уже второй перевалъ и опускается къ рѣкѣ, чрезъ которую перекинуть мостъ на сваяхъ, покрытый тростникомъ, а сверху землю съ пескомъ. Когда

проѣзжаешь по такому мосту тростникъ сильно прогибается внизъ, вся поверхность моста приходитъ въ движеніе и все такъ и кажется, что проваливаешься въ воду. Но это только такъ кажется, а на самомъ дѣлѣ мостъ устроенъ такъ прочно, что выдерживаетъ обозы съ телегами, тяжело нагруженными хлѣбомъ. Все протяженіе моста около 50-ти саженой, подъ нимъ струится быстрый токъ воды, унося небольшіе заторы льда, который кружится, шипитъ и разсыпается иглами. За этимъ мостомъ не вдалекѣ тянется другой черезъ рукавъ той же рѣки, носящій особое названіе. Еще не доѣзжая до мостовъ виднѣется цѣль нашего путешествія, китайскій городокъ Юнь-Пинъ, но теперь онъ какъ бы вдругъ вырастаетъ предъ нами. Его сѣрыя зубчатая стѣны съ характерными башенками отчетливо выдѣляются на фонѣ окрестныхъ горъ. Говорятъ, что все протяженіе стѣнъ вокругъ городка равняется пяти русскимъ верстамъ. Общая форма плана его круглая. Онъ имѣетъ четверо воротъ, увѣнчанныхъ башнями. Но мы не будемъ осматривать городъ,—наружность его ни чѣмъ особеннымъ не отличается отъ внѣшности другихъ китайскихъ городковъ,—а проѣдемъ прямо на базарную улицу, гдѣ безъ всякаго труда найдемъ ворота двора, принадлежащаго Пекинскоѣ православноѣ миссіи. Ворота эти, какъ и всякія другія китайскія ворота, покрыты навѣсомъ и ведутъ на обширный продолговатый дворъ, раздѣленный зданіями на четыре сравнительно небольшіе дворики. Въ глубинѣ двора помѣщается зданіе школь съ квартирою для учителя и комнатами для интерната, въ одну линію съ школой помѣщается кухня за ней пекарня, отдѣльный флигель предназначенъ для законоучителя изъ китайцевъ и этимъ зданіемъ отдѣляется училищный дворикъ съ прилегающимъ къ нему садикомъ. Средній дворикъ образуетъ площадку предъ церковью, которая выходитъ на югъ всѣми своими девятью окнами и одною дверью. Внутренность зданія церкви оштукатурена, иконостасъ росписанъ русскимъ живописцомъ изъ числа пекинскихъ братьевъ, полы высланы кирпичными плитами квадратной формы. Слѣдующей стѣнкой отдѣляется дворикъ со службами, а ближе къ воротамъ помѣщается какъ бы главный дворикъ, окруженный зданіями, изъ которыхъ выдѣляются квартира миссіонера и аудиторія. Всѣ зданія приспособлены изъ китай-

скихъ, но имѣютъ двери и окна европейскаго образца. Станъ существуетъ недавно, всего четыре мѣсяца, но сдѣлано уже здѣсь немало трудами одного изъ о. миссіонеровъ, который теперь отъѣхалъ въ Пекинъ по дѣламъ, и станъ осиротѣлъ на время безъ священника. Чистенькіе дворики пріятливо смотрѣли, дѣти—школьнички выбѣжали насъ встрѣчать къ воротамъ и проводили въ помѣщеніе. Я тотчасъ перезнакомился съ дѣтми и не успѣлъ еще съ ними довольно побесѣдовать, а только спросилъ ихъ—что они прошли въ школѣ и знаютъ ли молитвы, какъ подали чай и пришли представиться мнѣ всѣ обитатели стана, а ихъ было немало. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали за сорокъ и болѣе верстъ, чтобъ послушать проповѣдь нашего катехизатора діакона изъ китайцевъ Михаила Танъ. Многіе не были еще крещены. О желающихъ креститься наведены были справки, спрошены молитвы и изъясненіе Символа вѣры. Оказалось возможнымъ крестить одного ученика, родители его передали въ полное распоряженіе миссіи, такъ какъ онъ былъ болѣзненный и отягощалъ семью. Но, помня слова Апостола, что худородное избралъ Богъ дабы посрамить крѣпкое, я радъ былъ крестить его, тѣмъ болѣе, что онъ оказывалъ способности къ ученію и хорошо былъ подготовленъ къ крещенію. Крещеніе назначено было на завтра, всѣ присутствующіе были рады, стали готовить все необходимое къ совершенію таинства, а катехизаторъ составлялъ метрическую запись на китайскомъ языкѣ съ тѣмъ чтобы перевести ее потомъ на русскій. Еще надо было окрестить младенца сына діакона. Назначены кумовья и приступлено къ совершенію таинства. Оно вездѣ, какъ и въ Россіи, носить праздничный характеръ торжества. Таже обстановка, таже купель, бѣлая одежда, свѣчи, пѣніе. Язычники съ интересомъ слѣдили за всѣмъ, яѣкоторые изъ нихъ впервые видѣли обрядъ совершенія крещенія и интересовались положительно всѣмъ. Вотъ казалось бы гдѣ работать, трудиться на нивѣ благовѣстія. Сколько поводовъ къ объясненію къ проповѣди, сколько искренней и чистой радости, сколько надежды будущаго процвѣтанія церкви.

Крещеніе совершалось на китайскомъ и славянскомъ языкахъ и продолжалось болѣе часу. За крещеніемъ послѣдовала молитва во исполненіе 40 дней, а послѣ малаго пере-

рыва всѣ отправились въ церковь, такъ какъ наступило время вечерняго богослуженія. Оно совершалось на китайскомъ языкѣ и продолжалось не болѣе часу. Пѣли ученики подъ управленіемъ Ивана Фань. На каѳизмахъ диаконъ о. Михаилъ Тань сказалъ краткое поученіе на евангельское чтеніе о богачѣ, собиравшемся перестраивать свои житницы. Обыкновенно проповѣдь совершалась въ аудиторіи, такъ какъ туда представлялось больше доступа съ улицы, но сегодня по случаю воскреснаго дня поученіе было сказано въ церкви. На другой день собрались въ церковь къ семи часамъ утра. Мастера пришли было домасчивать полъ, а обоищики оклеивать потолки бумагой; но имъ велѣно обождать. Предъ началомъ службы часовъ отслуженъ водосвятный молебенъ, такъ какъ обитатели стана просили оставить имъ освященной воды и помѣщеніе церковное не было еще окроплено св. водой послѣ ремонта. Не входя въ алтарь, мы отслужили часы и послѣдованіе Изобразительныхъ, все на китайскомъ языкѣ. По окончаніи всего диаконъ о. Михаилъ Тань, не снимая стихаря, предложилъ присутствующимъ слово назиданія на мысль, прочитанную въ Евангеліи, что Отецъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него, а особенно тѣмъ, кои окажутъ Ему сыновнюю любовь и послушаніе. Особенность въ произношеніи проповѣдей о. диакономъ Михаиломъ Тань та, что онъ, какъ уроженецъ этой мѣстности, соблюдаетъ всѣ отличительныя примѣты мѣстнаго нарѣчія, жесты его плавны, интонаціи онъ придаетъ характеръ разговора, вслѣдствіе чего проповѣдь слушается легко и производитъ глубокое впечатлѣніе. Видя молодаго наставника, облаченнаго въ церковную одежду, изъясняющаго слова св. писанія, а впереди внимательно слушающихъ, исполняешься какого-то высокаго чувства уваженія ко всей этой обстановкѣ, какъ будто бываешь свидѣтелемъ совершенія нѣкаго великаго таинства, незримо подающаго благодатные дары Духа.

При выходѣ изъ церкви ко мнѣ подошли язычники, пріѣзжавшіе послушать проповѣдь и теперь возвращавшіеся въ свои селенія. Они, прощались со мной, кланяясь до земли. Одного изъ нихъ я видѣлъ въ прошломъ году въ Пейтаховскомъ станѣ въ числѣ выборныхъ, готовившихся къ крещенію. Я разговорился съ ними и узналъ, что они уже нѣсколько разъ пріѣзжали къ намъ, чтобы знакомиться съ

православіемъ и пригласить, къ себѣ миссіонера для проповѣди, что въ ихъ селеніи есть возможность купить дворикъ и устроить станъ и что желающихъ слушать проповѣдь найдется болѣе ста душъ.

Я заинтересовался этимъ и общалъ поѣхать вмѣстѣ съ ними, только просилъ ихъ обождать до полудня, такъ какъ чувствовалъ потребность отдыха послѣ плохо проведенной ночи. Ночью я почти не уснулъ, такъ былъ встревоженъ разными слухами и вообще всѣмъ тѣмъ, что узналъ изъ частной бесѣды съ братомъ Феодоромъ, остававшимся здѣсь въ отсутствіи миссіонера. Видимо врагъ спасенія душъ человѣческихъ сильно напалъ на новый вертоградъ слова Божія. Среди людей, призванныхъ блюсти интересъ стана и содѣйствовать расширенію района проповѣди, шли распри. Образовывались партіи, изъ которыхъ каждая выдвигала своихъ сторонниковъ въ числѣ желающихъ креститься, чтобъ при посредствѣ ихъ достигать большаго вліянія на дѣла стана, особенно на денежныя дѣла. Иванъ то же оказался подъ вліяніемъ одного неблагонамѣреннаго человѣка, и весь его рассказъ о съѣстной лавочкѣ являлся ложью, деньги ему были нужны для другой цѣли. Какой болью отзывается въ сердцѣ проявленіе благодарности къ миссіи со стороны того, кто съ десяти-лѣтняго возраста былъ обезпеченъ ею, и теперь для перваго встрѣтившагося негодяя измѣняетъ своему долгу, мѣсту, людямъ, озабоченнымъ его благосостояніемъ! Еще тяжелѣе было слышать, что одинъ изъ учениковъ, еще некрещенный, убѣжалъ и поступилъ въ солдаты по набору, производимому Японцами для военныхъ цѣлей. Кто говоритъ, что у насъ ему не давалось пѣніе, по словамъ другихъ онъ прельстился большимъ жалованьемъ по 12 сереб. долларовъ въ мѣсяцъ. Для бѣдняка это, конечно, находка, но миссія не въ силахъ давать такія деньги.

Ровно въ 12 часовъ дня мы съ о. діакономъ Михаиломъ выѣхали на Китайской двухколесной телегѣ въ сопровожденіи четырехъ пріѣзжихъ къ намъ китайцевъ. Они ѣхали на осликахъ, показывая дорогу нашему кучеру. Кучеръ попался изъ католиковъ, очень разговорчивый человѣкъ, за дорогу успѣвшій выложить предъ нами весь свой запасъ свѣдѣній о миссіяхъ, какія ему были извѣстны. Проѣзжая

на выѣздѣ изъ городка мимо обширнаго двора католической миссии, онъ говорилъ о дѣянiяхъ патеровъ, вспоминалъ бѣдствiя христіанъ въ 1900 году, когда всѣ изъ Юнпинфу бѣжали на границу Монголіи и тамъ затворились въ одномъ монастырѣ до прихода европейскихъ войскъ. Одинъ изъ английскихъ миссіонеровъ занимается теперь наймомъ рабочихъ на золотые пріиски въ Трансвааль. Даютъ большія деньги, по 30-ти долларовъ въ мѣсяцъ, рабочему. Завербованныхъ отправляютъ въ портъ Цинвандао и на пароходѣ подвергаютъ осмотру, негодныхъ отпускаютъ, а принятымъ выдается новая европейскаго образца одежда и мѣсячное жалованье впередъ. Большія партіи такихъ рабочихъ отправлены уже, но, какъ говорятъ китайцы, они попали не на пріиски, а на войну, и многіе уже убиты. Дорога на большое разстояніе не представляла ничего особеннаго, она шла по равнинѣ то песчаной, то суглинистой, хотя горы подымались со всѣхъ сторонъ, но намъ не пришлось дѣлать переваловъ. На одной изъ вершинъ возвышалась башня-столбъ, точно такая же, какую мы видѣли въ Ланьчжоу. Только къ вечеру мы приблизились къ ней. Дорога шла мимо, почти у самой подошвы ея, а по склону располагалась небольшая деревушка, гдѣ видны были группы китайскихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, часовой съ ружьемъ, остановилъ насъ, спрашивалъ кто мы, куда ѣдемъ, подошедшій унтеръ-офицеръ записалъ наши фамиліи и далъ намъ провожатаго, безъ котораго мы охотно обошлись бы. Неуклюжая фигура въ синей ватной одеждѣ съ винтовкой за плечами, но безъ пантронтажа, тащилась сзади насъ на малорослой монгольской лошади, обращая на насъ вниманіе встрѣчавшихся прохожихъ. Они перебрасывались съ солдатомъ короткими фразами и улыбались. Вскорѣ показались по обѣ стороны дороги заборы изъ гаоляна, обмазанные глиной и мѣстами опрaвленные въ бѣлый цвѣтъ. Группы деревьевъ скрывали низенькія постройки изъ камыша, за которыми открывалась гладкая площадь и военный лагерь китайскихъ королевскихъ войскъ Чжилітской провинціи. Укрѣпленій не было замѣтно, все искусно маскировалось заборами изъ тростника, но въ этихъ низкихъ землянкахъ, оштукатуренныхъ бѣлой глиной, а также въ окрестной деревушкѣ жило до семи съ половиною тысячъ воиновъ. обу-

ченныѣхъ и вооруженныѣхъ по-европейски. Солдаты разгуливали по площадкѣ, нѣкоторые столпились у дороги, чтобы посмотрѣть на насъ. Миновавъ лагерь, мы переѣхали черезъ мостикъ, за которымъ располагалась другая деревня. У самага въѣзда въ нее при дорогѣ стояла небольшая кумирня, на внѣшней стѣнѣ ея былъ нарисованъ красками китайскій солдатъ, державшій ружье наготовѣ, а съ обратной стороны другой солдатъ, стоящій во фронтъ на вытяжку. Китайцы, увлеченные успѣхами Японіи, ея электричествомъ, автомобилями, строемъ, вооруженіемъ, входятъ очевидно во вкусъ военнаго дѣла. Дорога по обѣ стороны была минирована рвами. Солдатъ провожалъ насъ до городка Чень-ань-свена, куда мы добрались лишь къ закату солнца. Городокъ окружала высокая кирпичная стѣна съ зубцами. Въѣздныя ворота представляли очень искусно устроенныя тѣснины, гдѣ непріятель долженъ постоянно находиться подѣ выстрѣлами, самъ не будучи въ состояніи вредить осажденнымъ. Стѣны и ворота казались очень исправными и запирались на ночь. Въ воротахъ насъ встрѣтили выборные, пріѣхавшіе съ нами и указали намъ домъ, въ которомъ мы могли помѣститься, но, прежде чѣмъ выйти изъ телѣги, мы должны были проѣхать по прямой и довольно чистенькой улицѣ города до полицейскаго участка, такъ требовалъ сдѣлать провожавшій насъ солдатъ. Непріятная перспектива попасть въ китайское управленіе и вести тамъ разговоръ однако не осуществилась, — намъ не пришлось даже вылѣзать изъ телѣги, и мы вскорѣ отправились на указанную квартиру. За нами слѣдовалъ унтеръ-офицеръ изъ управленія, и долгое время оставался въ нашемъ дворѣ, наблюдая, что мы будемъ дѣлать. А мы, умывъ теплой водой руки и лица и выпивъ предложенный намъ чай, отправились осматривать дворъ, который оказался тѣмъ самымъ, который намъ хотѣли продать для устройства миссіонерскаго стана. Дворъ оказался обширнымъ, зданій на немъ было много, но почти всѣ они разваливались отъ ветхости, и не находилось ни одного, которое было бы пригодно для жилья безъ производства въ немъ капитальнаго ремонта. Между тѣмъ какъ цѣна чуть не вдвое превышала существующія въ этой мѣстности, на подобныя покупки, цѣны. Покуда мы вымѣряли дворы, высчитывали площади, считали комнаты, стало уже

темно, и не было времени идти осматривать другой, тоже продающийся, дворъ, расположенный въ концѣ той же улицы. Да къ тому же этого не хотѣли и наши хозяева. Имъ хотѣлось свой-то дворъ продать повыгоднѣе европейцамъ, а потому они и сказали намъ, что хозяевъ другого продающагося двора нѣтъ дома. Вернувшись со двора въ комнату и усѣвшись на лежанкѣ вокругъ низенькаго столика, мы не знали чѣмъ заполнить время,—ложиться же спать было еще рано. Поэтому я просилъ о. діакона прочесть что-либо изъ евангелія. Но сколько разъ мы ни начинали читать, среди нашихъ слушателей подымалась возня, разговоры. А чтенія были такія интересныя,—притчи, и чтецъ читалъ на разсказъ такъ просто, увлекательно. Нѣкоторые, впрочемъ, усиливались слушать или старались казаться слушающими, но имъ этого не удавалось и будучи спрошены,—о чемъ читаютъ, они не могли пересказать. Мысли всѣхъ, очевидно, были чѣмъ-то заняты, можетъ быть предстоящей выгодной продажей двора. Такъ прошло время до ужина.

За ужиномъ хозяева, и безъ того все время любезные, хотѣли превзойти въ этомъ отношеніи самихъ себя. Начать съ того, что за столомъ не было подано ни одного китайскаго кушанья, а приготовлено было все мясное. Это потому, что въ нашемъ станѣ жилъ одинъ русскій больной послушникъ, питавшійся однимъ лишь бульеномъ изъ курицы. На основаніи этого предполагалось, что и мы не можемъ питаться чѣмъ-нибудь другимъ. Хотя Филипповскій постъ уже начался, но по слову писанія—предлагаемое вамъ ѣшьте, мы должны были вкусить этой трапезы. Сколько ни упрашивали мы хозяевъ присѣсть съ нами за столъ, все напрасно—они остались непреклонны въ своемъ выраженіи почтенія къ намъ и все время обѣда оставались на ногахъ. Ёсть, собственно, не хотѣлось по многимъ причинамъ. Во первыхъ, не всякій человѣкъ можетъ вкушать пищу въ то время, когда кто-нибудь въ ротъ заглядываетъ, а тутъ такъ именно и было. Затѣмъ, не всякій можетъ обходиться за столомъ безъ вилки, ножа и ложки, а тутъ именно такъ и было. О. діаконъ искусно управлялся двумя палочками, мнѣ пришлось долго приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, питаться изъ чужихъ рукъ. Любезный хозяинъ принялъ на себя трудъ кормленія и беря палочками кусочки пищи изъ

миски подавалъ мнѣ, оставалось только жевать и глотать. Процедура эта, видимо, правилась публикѣ,—всѣ внимательно слѣдили за каждымъ движеніемъ рукъ хозяина, давая ему благіе совѣты. Обѣдъ оказался чуть ни лукуловскимъ. Фрукты и виноградъ были знакомъ, что мытарства мои приходили къ концу. А затѣмъ послѣдовалъ чай, который въ Китаѣ подается безъ особаго распредѣленія времени, а чуть ли ни постоянно,—чайникъ стоитъ на угляхъ комнатной печи. Китайцы пьютъ чай по немногу и не особенно горячимъ и при томъ безъ сахара, чтобы не портить естественно сладковатый вкусъ своего, зеленого чая. Убравъ со стола остатки ужина, хозяева просили у насъ дозволенія пойти поужинать, а послѣ ужина всѣ присутствовавшіе на немъ—сихъ было душъ восемь—пришли благодарить насъ за ужинъ, такъ какъ хозяинъ угощалъ ихъ какъ бы отъ насъ. Таковъ обычай.

Условившись относительно завтрашняго утра и отъѣзда нашего, всѣ присутствующіе вмѣстѣ съ хозяиномъ распростились съ нами до утра. По уходѣ ихъ о. діаконъ сказалъ, вотъ этотъ старикъ-хозяинъ добрый такой человекъ и старался учить Законъ Божій, когда былъ у насъ въ Пейтаховскомъ станѣ въ числѣ слушателей, есть только одно препятствіе, чтобы ему креститься,—а онъ очень желаетъ этого: у него есть опійная торговля, опіумомъ торгуетъ, а мѣстные законы очень строго относятся къ этому, и вотъ онъ въ принятіи христіанства можетъ быть ищетъ себѣ поддержку въ противу законномъ дѣлѣ. Какъ можемъ рѣзнули меня по сердцу эти слова.

Обыкновенная уловка китайцевъ прятаться за спину другаго, когда дѣло не совсѣмъ чисто, мнѣ была хорошо известна, и—я слышала не разъ о томъ, какъ китайцы умѣютъ пользоваться авторитетомъ миссій, чтобы избѣгнуть заслуженной кары правосудія и тѣмъ поселяютъ непріязненные чувства къ миссіонерамъ. Но что дѣлать? этого человека мы еще не крестили, да и онъ не особенно довѣряется обаянію иностранцевъ, такъ какъ и теперь счелъ неудобнымъ отвести намъ квартиру въ своемъ домѣ, а позаботился принять насъ на нейтральной почвѣ—въ домѣ, предлагаемомъ намъ въ покупку. Однако мысль, что здѣсь что-нибудь скрывается, не оставляла меня все время и я невольно припомни-

налъ и перебиралъ въ памяти все сказанное въ разговорѣ хозяина со мной, и казалось, находилъ подтвержденіе тому, что насъ эксплуатируютъ въ своихъ цѣляхъ эти радушные китайцы... Я предложилъ нѣсколько вопросовъ о діакону, чтобъ выяснитъ еще что-нибудь по интересующему меня вопросу, но получилъ уклончивые отвѣты, или о діаконѣ самъ мало зналъ этихъ людей и не старался узнать ихъ, или держался китайскаго обычая не все сразу выкладывать, а кое-что держать и въ секретѣ. Эдакъ можетъ что-нибудь открыться и о затѣвѣ Ивана, можетъ быть и онъ то же опійную лавочку вздумалъ открыть? Дѣло прибыльное... Правда узнается впоследствии, а теперь не передъ чѣмъ намъ останавливаться. Не въ томъ ли торжество проповѣдника, залогъ его успѣха, чтобъ предаваться вѣрѣ, попирая всѣ сомнѣнія свои. А мысли неотвязчивыя, разнорѣчивыя, безпокойныя такъ и лѣзутъ въ голову. Ихъ не отгонишь и молитвой... Отходя ко сну, мы стали на молитву. Глазъ по привычкѣ искалъ образа, но на стѣнахъ видны были лишь сѣренькіе обои, да висѣла одна картина изъ китайской мифологии. Содержаніе ея едва ли кто могъ понять и изъ китайцевъ. Нарисовано было много горъ, деревъ и рѣкъ, по рѣкамъ плыло нѣсколько чудовищъ. О діаконѣ досталъ изъ книги маленькую икону Пресвятыя Богородицы, печатанную на бумагѣ, и установивъ ее на столѣ, сталъ читать повечеріе на китайскомъ языкѣ. Помолившись Богу, мы расположились было спать, но тутъ пришлось еще повозиться съ постелями: хозяева настлали цѣлую гору матрасовъ, одѣялъ, подушекъ, и это вышло такъ потому, что, я наскучивъ выраженіями любезности хозяевъ, пересталъ возражать на предлагаемыя мнѣ удобства; а отдался теченію событій, и вотъ получилось, что намъ настлали чуть ли не по пяти постелей, пришлось ихъ убирать и строить себѣ общепринятое ложе. Лежанка, на которой мы располагались спать, довольно хорошо нагрѣлась и отдѣляла ровную теплоту, но отъ окна спускалась струя холоднаго воздуха, такъ какъ бумажная обклейка окна мѣстами была прорвана, представляя прямое сообщеніе съ наружнымъ воздухомъ. За окномъ стоялъ осликъ и слышно было, какъ онъ жевалъ траву и бобовыя зерна. Когда потушили свѣчу, комната освѣщалась лишь красноватымъ отблескомъ камина. Спать было покойно и я

проснулся лишь передъ утромъ, когда осликъ вздумалъ по-чему-то пронзительно кричать. Я взглянулъ на часы, было около пяти часовъ утра. Мы условились выѣхать въ шесть, а потому надо было вставать. За мной поднялся и о. діаконъ, онъ разбудилъ всѣхъ. Подали теплой воды умываться и по обычаю—мокрыя полотенца. Вскорѣ пришли хозяевы и какъ мы не отказывались отъ ѣды въ такое раннее время, намъ все-жъ таки предложили горячее блюдо—пильмени, но ѣсть не хотѣлось, да и чесноку въ начинкѣ было слишкомъ много. На дорогу намъ положили яицъ, грушъ, винограду, печеній. На прощанье мы сказали хозяину, что находимъ цѣну двора высокой, но обдумаемъ, доложимъ Начальнику миссіи и потомъ сообщимъ, но покупка можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда будутъ здѣсь желающіе слушать проповѣдь и ходить въ церковь. Намъ обѣщали, что такихъ будетъ болѣе ста человѣкъ. Чтожъ, если Богъ изъ-за десяти душъ не хотѣлъ погубить Содома, то кто мы, чтобы отказать ста человѣкамъ ищущимъ спасенія? Завести здѣсь станъ, открыть проповѣдь не только дѣло святое, но и обязательное для миссіи.

Когда мы вышли со двора, чтобы сѣсть въ телѣгу, ночь еще не уступала своихъ правъ тихому утру, звѣзды ярко горѣли въ темной лазури неба, морозный воздухъ стоялъ неподвижно: каждый звукъ отдавался въ немъ рѣзкимъ какъ бы металлическимъ отзвукомъ. Лишь мы усѣлись и повозка тронулась, какъ надъ нами нависла полукруглая арка городскихъ воротъ. Они были еще заперты и въ лабиринтѣ тѣсныхъ переходовъ съ отвѣсными стѣнами было темно и страшно. У китайцевъ были въ свое время хорошіе стратеги, умѣвшіе построить такъ искусно стѣны города, что казалось бы съ одними камнями въ рукахъ можно было отстоять эти ворота противъ какого угодно непріятеля. Послѣ нѣсколькихъ окриковъ и распросовъ намъ отворили ворота и едва блѣднѣющій востокъ весело блеснулъ среди темныхъ громадъ лабиринта. Мы выѣхали изъ города на ровную поляну, покрытую камнями. Дорога шла сначала надъ стѣною города, потомъ повернула влѣво, къ деревенькѣ, откуда изъ-за жидкихъ кучъ ивняка подымался голубоватый дымокъ, и стелился тутъ же надъ землею. Деревенька вся была обнесена заборами изъ китайскаго высокорослаго

проса. Пучками его были обставлены всѣ избы отъ вѣтра, такъ что ихъ не было видно. На улицѣ замѣтно уже движеніе проснувшихся поселянъ. Изъ колодца достаютъ воду, блокъ стучить и мелькаетъ своею ручкой, два ослака пьютъ воду изъ деревяннаго корыта, изъ воротъ выѣзжаетъ пу-стая телѣга, а тамъ группа мальчиковъ съ карзинами и широкими граблями изъ бамбука собралась, чтобы идти сгребать траву на поляхъ для топлива на зиму, и одинъ изъ нихъ уже затянулъ было пѣсенку, но вдругъ остано-вился, увидавъ насъ и замахавъ граблями, закричалъ това-рищамъ: бѣсы, заморскіе бѣсы пріѣхали, и звонкій дѣтскій смѣхъ далеко провожалъ насъ за деревню. Тамъ предъ нами открылась песчаная равнина и спускъ къ рѣкѣ. До-рога была тяжелая, пришлось пройти пѣшкомъ до самой рѣки. Тутъ намъ встрѣтились воза, нагруженныя какой-то волнистой травой, изъ коры которой готовится китай-ская бумага, а былинки идутъ на плетеніе карзинъ. Бумагу дѣлаютъ въ этой мѣстности, она такъ и называется бумаж-нымъ городомъ.

Солнце уже взошло, когда мы вѣхали на мостъ и мо-розный паръ подымался съ рѣки, освѣщаемый розоватымъ сіяніемъ утренняго солнца. Рѣка быстро скользила въ обле-денѣвшихъ берегахъ, не поддаваясь временнымъ оковамъ холода: солнышко подыметъ выше, и морозъ уступить умѣренному теплу. Когда мы были еще на мосту, насъ за-мѣтили съ заставы, съ противоположнаго крутаго берега. Солдаты засуетились и выслали къ намъ одного воору-женнаго воина, который проводилъ насъ до главной вахты. Тамъ были опять распросы что мы за люди? чѣмъ торгуемъ? ка-кого государства? Записали наши фамиліи и проводили еще за одну деревню. По дорогѣ здѣсь мы замѣтили телеграфъ. Онъ шелъ поодаль отъ дороги и направлялся въ лагерь. Столбы съ двумя проволоками шли прямыми линіями, оги-бая ближній утесъ, и тамъ гдѣ-то на вершинѣ горы тор-чаль тоже одинъ изъ нихъ. Дорога по сторонамъ часто перерыта поперечными канавками. Канавки приготовлены для фугасовъ и минъ на случай войны. Съ кѣмъ Китаиъ хочетъ воевать? и почему такое недовѣріе проявляется къ европейцамъ? Это — оборонительная линія противъ вторже-нія русскихъ войскъ въ сѣверный Китаиъ. И эти солдаты

всѣ вооружены современнымъ оружіемъ и выучены подъ руководствомъ японскихъ инструкторовъ.

Характеръ мѣстности тотъ же что и вчера, хотя мы ѣдемъ по другой дорогѣ. Постоянныя подъемы и спуски, песокъ, лѣсная дорога. Ѣдемъ медленно, всего какихъ-нибудь пять верстъ въ часъ. Навстрѣчу намъ тянулись воза, тяжело нагруженные мѣшками съ хлѣбомъ для лагеря. Солдаты провожали ихъ, они были и кучерами. Попутно съ нами ѣхали порожняки, телѣги, запряженныя по четыре и по шести лошадей въ каждую. Китайскіе солдаты въ ватныхъ курткахъ и штанахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ сидѣли на телѣгахъ посвистывая и махая длинными хлыстами. Ѣхали они быстро, намъ едва удавалось поспѣвать за ними. Приходилось иногда и отставать, но мы опять догоняли ихъ на остановкахъ, и за дорогу такъ къ нимъ привыкли, а они къ намъ, что стали уже признавать другъ друга, хотя раньше, видимо, они чуждались насъ. На одной остановкѣ у колодца, при вѣздѣ въ одну деревню, къ намъ присталъ одинъ молодой китаецъ. Онъ ѣхалъ на пустой телѣгѣ, запряженной однимъ быкомъ. Юношеское лицо китайца было обезображено оспой, глаза были потуплены въ землю; казалось юноша о чемъ-то думалъ, не обращая вниманія на окружающее. Лицо его не имѣло никакого выраженія, и только нрѣдка по нему пробѣгала нервная дрожь. Иногда онъ какъ бы вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, приподнимался, махалъ руками, ударялъ хлыстикомъ по спинѣ быка, выкрикивалъ какъ автоматъ какія-то звуки и опять погружался въ свою нирвану. Этотъ несчастный былъ слѣпецъ,—оспа повредила ему и глаза. Я узналъ это тогда, какъ онъ, чтобъ узнать время, открылъ широко глаза и повелъ ими по небосклону, отыскивая солнце. Страшныя бѣлмыя свинцоваго цвѣта на мгновенье открылись, чтобы придать лицу видъ мертвеца. Одежда на немъ была приличная, телѣга, на которой онъ ѣхалъ была новая; быкъ хорошо откормленъ. Видимо слѣпецъ происходилъ изъ богатой семьи, но болѣзнь еще въ дѣтствѣ лишила его зрѣнія, и это выработало въ немъ характеръ угрюмый и нетерпѣливый. Онъ постоянно ворчалъ, сердился на быка, который шелъ своимъ ровнымъ, но спорнымъ шагомъ и исправно догонялъ насъ на каждой остановкѣ. Когда пришло время завтрака, и голодъ далъ

себя почувствовать, мы хотѣли было полакомиться тѣмъ, что у насъ было съ собой изъ провизіи, но оказалось, что все замерзло отъ холода, и что бы ни брали—грушу, яйцо или кусочекъ печенья—все имѣло вкусъ и свойства льда, или вѣрнѣе сказать, не имѣло никакого вкуса. Пришлось купить горячихъ лепешекъ у разнощика, при вѣздѣ въ одну деревеньку, сидѣвшаго у маленькой даоской кумирни. Мой кучеръ заговорилъ съ слѣпцомъ, предлагая и ему купить что-либо изъ продававшагося съѣстнаго, но тотъ отрывочно и нѣхотя отвѣчалъ ему, что теперь онъ еще не голоденъ и закусывать будетъ дома. При этомъ слѣпецъ произнесъ одно мѣстное выраженіе, означавшее вкушать пищу, о. діаконъ пояснилъ мнѣ, что оно значило въ точномъ переводѣ „кусать фрукты“.

Послѣ полудня мы доѣхали до Лань-чжоу, подъѣхавъ къ нему съ нагорной стороны. Рѣка текла уже далеко, тамъ, внизу, ея совсѣмъ не было видно, лишь песчанья отмѣли ея сверкали на солнцѣ, уходя къ востоку и теряясь въ туманной дали. Желѣзнодорожная станція оставалась въ сторонѣ, мы ее миновали, переѣзжая черезъ полотно желѣзной дороги по висячему мосту. Поѣздъ уже прошелъ, надо было оставаться до слѣдующаго утра. Гостинницы и постоялыя дворы вблизи станціи всѣ были заняты китайскими солдатами, грузившими хлѣбъ и рисъ. На дворахъ, сплошь уставленныхъ возами, копошился народъ и виднѣлись груды мѣшковъ. Свою телѣгу мы поставили на первомъ попавшемся дворѣ, и черезъ часъ о. діаконъ отправился на ней въ обратный путь, въ станъ. Мнѣ же пришлось остаться и искать себѣ ночлега. Таковой послѣ долгихъ поисковъ, нашелся—въ небольшомъ дворикѣ, въ гостинницѣ.

Это названіе, впрочемъ, мало подходило къ той грязной и смрадной конурѣ, въ которой мнѣ предстояло провести ночь. Лучшаго помѣщенія не было. Правда, начальникъ станціи—китаецъ, предлагалъ мнѣ помѣститься въ католической миссіи, которая находилась неподалеку отъ вокзала, но я и подумать объ этомъ боялся, такъ это было странно и противорѣчило моимъ взглядамъ на отношенія наши къ коллегамъ по профессіи. Лучшаго помѣщенія нельзя было найти, а то, что было, представляло продолговатую комнату съ закоптѣлыми стѣнами и изодраннымъ бумажнымъ потоло-

комъ, съ котораго веревками свисала паутина. Двѣ длинныя лежанки во всю длину комнаты составляли всю ея мебель. На стѣнахъ висѣли: старая лѣтняя шляпа, дощечки съ именами предковъ хозяина, веревки, нѣсколько паръ дырявыхъ башмаковъ. Все это было покрыто надлежащимъ слоемъ пыли. Между лежанками оставалось двухъ-аршинной ширины пространство, по которому сновали туда и сюда разные гости. Когда я вошелъ и расположился на лежанкѣ, положивъ вещи и думая чѣмъ и какъ мнѣ заняться до завтрашняго утра, меня обступила толпа народу. Узнавъ, что я говорю немного по китайски, меня забрасывали со всѣхъ сторонъ вопросами. Было тяжело отвѣчать всѣмъ за разъ, я кое-какъ убѣдиль собравшихся оставить меня въ покоѣ и потребовалъ чаю. Вскорѣ толпа замѣтно стала рядѣть, а къ вечеру остались лишь тѣ, кто думалъ здѣсь заночевать. Моими сосѣдями по лежанкѣ были: одинъ сифилитикъ, такъ отрекомендовавшійся мнѣ, въ надеждѣ получить лѣкарство, одинъ палачъ, носившій съ собой даже въ постели большой прямой мечъ съ желѣзной рукояткой, обмотанной веревкой, два курильщика опиума и еще нѣсколько темныхъ личностей, профессію которыхъ опредѣлить было трудно за немѣнѣемъ внѣшнихъ признаковъ. Покуда свѣтъ, пробивавшійся черезъ бумажное окно давалъ возможность различать буквы, я читалъ бывшую у меня книжку — правильникъ, и почти забывалъ окружающую меня обстановку нищеты и грязи. Идти куда-нибудь гулять или осматривать мѣстность не хотѣлось, да и багажъ мой нѣ кому было поручить.

До сумерекъ я все читалъ, а потомъ не торопясь поужиналъ хлѣбными пышками и помолился Богу, также сидя на лежанкѣ поджавъ ноги, потому что стать рѣшительно не было мѣста: по срединѣ комнаты то и дѣло проходили партіи посѣтителей, а чѣмъ ближе къ ночи тѣмъ ихъ было больше. Приходили рабочіе со станціи, плотники съ пилами, разношники съ своими карзинами, комната наполнялась народомъ, дымъ отъ трубокъ сгущался, становилось тѣсновато и на лежанкѣ. Чтобы не лишиться мѣста, надо было развернуть свою постель и сидѣть на ней въ полулежащемъ положеніи. Мнѣ было видно всю внутренность комнаты, какъ всѣ посѣтители дѣлились на группы, изъ которыхъ въ каждой шелъ свой разговоръ. Можно было улавливать лишь

отдѣльныя слова, рѣчь шла въ одномъ углу о цѣнахъ на зерновой хлѣбъ, въ другомъ о заработкахъ на дорогѣ, тамъ вычисляли разстояніе между нѣсколькими селеніями этого уѣзда, у котла хлопотали два старика, одинъ варилъ кашу изъ пшена и бобовъ, другой подавалъ кипятокъ приходящимъ. Когда стемнѣло совсѣмъ, зажжена была лампа особаго устройства,—жестянная съ тремя трубками по сторонамъ, изъ которыхъ въ каждой горѣлъ фитиль. Она была подвѣшена къ потолку и проливала тусклый свѣтъ на все окружающее. Напившись чаю, многіе разостлали свои постели и ложились спать. Курильщики опиума собирались курить. Имъ хозяинъ подаль небольшой подносъ, на которомъ стояла лампочка съ конусообразнымъ стекломъ и еще нѣсколько другихъ принадлежностей куренія. Курильщиковъ было двое, одинъ изъ нихъ главный ихъ хозяинъ, а другой приживальщикъ, пользовавшійся опиумомъ отъ перваго и нетерпѣливо ожидавшій, когда тотъ одурманитъ себя до потери сознанія, чтобы воспользоваться остатками яда. Прямая въ аршинъ длины и въ 1 дюймъ въ поперечникѣ трубка съ большой пустотой въ срединѣ и отверстіемъ сбоку была въ зубахъ у главнаго курильщика. Онъ тяжело дышалъ носомъ, округлившимися глазами смотрѣлъ на лампочку и, взявъ одну крошку какого-то темнубураго вещества, сталъ нагрѣвать его на огнѣ лампы. Вещество вздувалось, увеличиваясь размѣромъ втрое или даже болѣе. Судоржными движеніями пальцевъ курильщикъ придавалъ ему форму круглой лепешки, которую, вѣроятно, надлежало приставить къ отверстию трубки. Сосѣди безучастно смотрѣли на это. Я хотѣлъ было сказать кое-что по поводу куренія, какъ оно губительно и что нужно стараться отставать отъ него и лѣчиться, принимая лѣкарство. Но никто не стали слушать моихъ словъ, нѣкоторые переглянулись съ улыбкой, а старикъ безнадежно покачалъ головой. Вскорѣ послышалось хрипкое клокотаніе всасываемаго въ трубку огня, я не могъ выносить этой сцены. Ужасъ и омерзеніе заставили меня отвернуться. Я закрылся одѣяломъ съ головой, но долго не могъ уснуть: все казалось, что дымъ опиума, невообразимо противный, проникаетъ въ мои легкія, отравляетъ все мое существо.... Постепенно шумъ и разговоры стихали, всѣ улеглись спать, а хозяинъ началъ подогрѣвать лежанки и

успокоительное тепло стало усыплять всѣхъ, я тоже забылся до утра тревожнымъ сномъ.

Утромъ мнѣ не хотѣлось вставать ранѣе другихъ, все равно мѣста не было въ комнатѣ, а читать при свѣтѣ масляной лампы нельзя было и потому пришлось пролежать до тѣхъ поръ, пока не разсвѣло совсѣмъ, и часть публики оставила гостиницу. Торопиться мнѣ было некуда: поѣздъ шелъ около десяти часовъ утра. Палачъ оказался человѣкомъ веселымъ: одѣваясь, онъ вполголоса напѣвалъ какую-то пѣсенку, а когда вышелъ изъ комнаты, старикъ вслѣдъ его сказалъ: вотъ человѣкъ, которому не приходится искать себѣ дѣла. Умыться я поопасался,—у меня не было съ собой полотенца, а утираться общимъ полотенцемъ значило рисковать получить трохому глазъ. Выпивъ чаю и расплатившись съ хозяиномъ, который все наровиль получить съ меня за ночлегъ вдвое дороже, руководствуясь тѣмъ, что будто-бы я „великій господинъ“—я отправился на вокзалъ. Тамъ уже прошелъ встрѣчный поѣздъ, и вся платформа была завалена багажемъ, принадлежавшимъ одному семейству чиновника, прибывшаго съ юга Китая. По вещамъ можно было сдѣлать такое заключеніе: масса карзинъ изъ бамбука, тростника, чемоданы, горшки съ виномъ, цибики чая и вяленая нога дикой козы и нѣсколько чиновничихъ шапокъ въ футлярахъ составляли все имущество. Вокругъ багажа суетились нѣсколько молодыхъ людей, очень похожихъ одинъ на другаго, разодѣтыхъ по праздничному въ разноцвѣтные шелка. Черты лица, разговоръ и неувлимые особенности въ манерахъ сразу обнаруживали въ нихъ гостей изъ далекой провинціи. Имъ надо было ѣхать куда-то въ горы, а куда искали телѣгъ, имъ надо было остановиться въ гостиницѣ, въ той самой, которую я только что оставилъ.

Черезъ полчаса я уже сидѣлъ въ вагонѣ поѣзда, мчавшагося по направленію къ Тянь-цзину. Противъ меня на лавочкѣ сидѣлъ китаецъ безъ косы, въ мѣховою шапкѣ англійскаго покроя и безпрестанно курилъ плохенькую сигару. Я познакомился съ нимъ и узналъ, что онъ механикъ, сопровождаетъ механика англичанина на станцію Тонку для осмотра тамъ машинъ и котловъ. Онъ давно уже ищетъ случая увидаться съ миссіонеромъ и познакомиться съ христіанскимъ ученіемъ. Разказавъ ему что и какъ я могъ, я

далъ ему брошюры на китайскомъ языкѣ, огласительное поученіе, краткій катихизисъ и сокращенный молитвенникъ. Онъ оказался хорошо грамотнымъ по китайски и усердно всю дорогу читалъ данныя ему книги, спрашивалъ—гдѣ я живу, когда буду опять въ этихъ краяхъ и можно ли ему надѣяться креститься въ скоромъ времени? Я радъ былъ что хоть на конецъ моего путешествія я встрѣтилъ человѣка интересующагося христіанствомъ, повидимому, безъ всякой задней мысли. Онъ человѣкъ хорошо обеспеченный своимъ жалованьемъ, недовольный китайскими порядками и произволомъ чиновниковъ. Разказалъ мнѣ свое прошлое, какъ онъ достигъ такого оклада жалованья, какое не получаютъ и уѣздные начальники. Въ задушевной бесѣдѣ съ нимъ я провелъ нѣсколько часовъ.

А. А.

Тянь-цзинь.

Декабря 6-го 1904 г.
